

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.12)

EDN [TNQFSE](https://edn.tnqfse.ru)

КОНЪЮНКТУРА РЫНКА ТРУДА И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Моисеева Е. М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: evgeniyatoiseeva@mail.ru

Маньшин Р. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: manshin@list.ru

Для цитирования: Моисеева, Е. М. Конъюнктура рынка труда и трудовая миграция в российских регионах / Е. М. Моисеева, Р. В. Маньшин // ДЕМИС. 2024. Т. 4, № 4. С. 202–215. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.12). EDN [TNQFSE](https://edn.tnqfse.ru).

Аннотация. В последние годы российский рынок труда находится в крайне напряженном состоянии близком к «перегреву», что представляет риски для экономического развития страны в целом. Наиболее динамично меняющимися компонентами рынка являются спрос на труд и его предложение. В условиях сокращения численности населения миграция остается гибким и эффективным механизмом пополнения трудовых ресурсов. Различия в демографической и социально-экономической ситуации в РФ и соседних государствах, в первую очередь центральноазиатских, создают предпосылки для трансграничных перемещений населения, а дифференциация различных показателей регионов России становится фактором внутривосточной миграции. В рамках настоящего исследования авторы ставят задачу оценить, в какой степени конъюнктура региональных рынков труда способна влиять на интенсивность потоков как международной, так и межрегиональной миграции в России, обеспечивая их саморегуляцию и балансировку. Для этого построена кластеризация субъектов РФ по основным индикаторам спроса и предложения труда, а также интенсивности потоков трудовой миграции различных направлений. Затем был проведен корреляционный анализ отобранных показателей. Результаты свидетельствуют о том, что в целом трудовая миграция сглаживает дисбалансы региональных рынков, однако действие механизмов саморегулирования далеко не совершенно. Так, например, отсутствует линейная взаимосвязь между напряженностью на рынке труда и интенсивностью прибытия трудовых мигрантов. На основе полученных выводов авторы дают рекомендации относительно необходимости создания и совершенствования федеральных механизмов для обеспечения контакта между нанимателями и соискателями из разных регионов и стимулирования трудовой мобильности населения.

Ключевые слова: трудовая миграция, межрегиональная миграция, международная миграция, рынок труда, спрос на труд, предложение труда, трудоустройство

Введение

Ситуация на рынке труда России остается беспрецедентно напряженной. С одной стороны, наблюдается рост потребности в работниках, вызванный перестройкой экономики вследствие кризисных событий: пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг.

и последовавшего сразу за ней обострения международной геополитической обстановки и усиления санкционного давления. С другой стороны, снижение рождаемости и демографические волны обуславливают сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, что порождает структурный дисбаланс между спросом на труд и его предложением.

В целом по экономике отмечается увеличение числа открытых вакансий. За II квартал 2024 г. общая потребность в работниках достигла нового максимума и составила 2,7 млн человек. Соотношение между необходимым количеством работников и фактическим также достигло максимального уровня за последние три года (8,3%). Наибольшее количество свободных рабочих мест зафиксировано в обрабатывающих производствах и торговле – на эти отрасли приходится почти треть всех вакансий¹. По оценкам рейтинговых агентств, слишком низкий уровень безработицы в России ускоряет инфляцию². Инфляция, в свою очередь, снижает привлекательность российских рынков труда для иностранных мигрантов, что обостряет проблему дефицита кадров³. Минэкономразвития назвало состояние рынка труда одним из главных рисков для экономики страны⁴.

В текущих условиях регионам приходится бороться за привлечение дополнительных трудовых ресурсов⁵. При этом рост заработных плат⁶ начал стагнировать в сравнении с ростом спроса на рабочую силу⁷. Однако, по заявлению Центробанка, зарплаты все равно растут быстрее производительности труда, что опять-таки повышает риск инфляции⁸, которая, в свою очередь, обесценивает доходы населения.

С учетом сложившейся ситуации, на наш взгляд, есть необходимость рассмотреть, как на интенсивность внешней и внутренней трудовой миграции будет влиять сама конъюнктура рынка труда, баланс спроса и предложения, которые, как мы видим из вышесказанного, на текущем этапе более всего подвержены изменению.

¹ Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен. II квартал 2024 года // ИСИЭЗ : [сайт]. 30.10.2024. URL: <https://issek.hse.ru/news/981075763.html> (дата обращения: 29.11.2024).

² Экономисты оценили перегрев на российском рынке труда в 0,7 млн человек // Forbes : [сайт]. 05.03.2024. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/507438-ekonomisty-ocenili-peregrev-na-rossijskom-rynke-truda-v-0-7-mln-celovek> (дата обращения: 09.09.2024).

³ Бегство мигрантов и девальвация обостряют проблемы на рынке труда // Независимая газета : [сайт]. 27.11.2024. URL: https://www.ng.ru/economics/2024-11-27/1_9144_migrants.html (дата обращения: 29.11.2024).

⁴ Решетников назвал внутренними рисками для макропрогноза РФ рынок труда и жесткую ДКП // Интерфакс : [сайт]. 14.10.2024. URL: <https://www.interfax.ru/business/986595> (дата обращения: 29.11.2024).

⁵ Миграция населения РФ в 2023: кадровый голод // Росконгресс : [сайт]. 03.06.2024. URL: <https://roscongress.org/materials/migratsiya-naseleniya-rf-v-2023-kadrovyy-golod/> (обращения: 09.09.2024).

⁶ Медианная заработная плата // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61773> (дата обращения: 09.09.2024).

⁷ Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест с 2018 г. // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59086> (дата обращения: 09.09.2024).

⁸ Банк России опасается роста разрыва между ростом доходов и производительности труда // Интерфакс : [сайт]. 01.04.2024. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59086> (дата обращения: 09.09.2024).

Обзор научной литературы

Большинство исследований, рассматривающих миграцию в регионах России, так или иначе обращаются к вопросу ее влияния на количество трудовых ресурсов и их территориальное распределение. Взгляд на миграцию как на источник пополнения рабочей силы обусловлен сокращением численности населения страны, что ведет к дисбалансам на рынке труда и увеличению демографической нагрузки [1–3]. Часть исследований использует социологические методы, концентрируясь на составлении портрета трудового мигранта [4] или выявлении их индивидуальных стратегий и установок [5; 6]. Другие работы основаны на применении статистических методов [2; 7] и уделяют внимание проблемам текущего учета миграции [8]. Кроме того, распространено использование эконометрических методов [9; 10] и статистических процедур [11]. Некоторые исследования оценивают не только роль миграции в формировании трудовых ресурсов, но и – шире – ее влияние на экономическое развитие страны [12] и регионов [13; 14]. Есть работы, посвященные обоснованию рекомендаций для совершенствования миграционной политики государства, в т. ч. в области трудовой миграции [15; 16].

Научная новизна настоящего исследования заключается в анализе взаимосвязи между соотношением спроса и предложения на рынке труда, с одной стороны, и интенсивностью различных потоков трудовой миграции, с другой стороны. При этом мы отказываемся от рассмотрения иных характеристик экономической ситуации в регионах, чтобы оценить, в какой степени направления и объемы внешних и внутренних перемещений рабочей силы в России откликаются именно на потребности локальных рынков труда и соответствуют им.

Материалы и методы

Общей концептуальной основой исследования послужила теория факторов притяжения и выталкивания миграции Э. С. Ли [17]. Согласно данной теории, при формировании моделей мы делаем допущение, что в момент принятия решения о переезде с целью трудоустройства мигрантов мотивирует рациональная оценка ситуации на рынках труда различных регионов России.

Для анализа нами были отобраны две группы показателей, характеризующие: 1) состояние рынка труда и 2) объемы потоков международной и межрегиональной трудовой миграции. Учитывая высокую степень дивергенции их значений по регионам России, использовались относительные показатели. Поскольку мы исходили из гипотезы, что существует взаимосвязь между конъюнктурой рынка труда и объемом входящих и исходящих потоков миграции, то в первую группу индикаторов мы включили следующие:

– удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест⁹ в общем числе рабочих мест (%) – показывает степень нехватки рабочей силы на региональном рынке труда;

⁹ Информация о потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест формируется по данным выборочных обследований организаций по состоянию на 31 октября. См. паспорт показателя: Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест с 2018 г. // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59086> (дата обращения: 09.09.2024).

– коэффициент напряженности на рынке труда¹⁰ – говорит, во-первых, об уровне конкуренции за рабочие места и, во-вторых, о возможностях по восполнению потребности в работниках за счет местного населения, с другой стороны;

– доля иностранных граждан в трудоспособном населении (%)¹¹ может свидетельствовать о «мигрантоемкости» или «мигрантозависимости» рынка труда региона.

Поскольку трудовая миграция плохо поддается статистическому наблюдению, в качестве сведений о ней могут использоваться данные различных форм текущего учета, каждая из которых имеет свои ограничения [подробнее об этом см. 18]. Для обеспечения сопоставимости информации о потоках внешних и внутренних трудовых мигрантов нами были выбраны данные ФМС России¹². В качестве показателей интенсивности различных потоков использовались следующие:

– количество международных мигрантов, прибывших в регион по причине работы, на 1 000 человек рабочей силы;

– количество внутрироссийских мигрантов, прибывших в регион по причине работы, на 1 000 человек рабочей силы;

– количество мигрантов, покинувших регион по причине работы, на 1 000 человек рабочей силы¹³. В последнем случае предполагалось, что и на граждан РФ, и на иностранцев, покидающих региональный рынок труда, действуют одни и те же факторы выталкивания, поэтому потоки не разделялись.

¹⁰ Определяется как отношение среднегодовой численности безработных (по методологии МОТ*) к среднегодовому числу вакансий, сообщенных работодателями в органы службы занятости населения. Данные приведены по населению в возрасте 15–72 лет. См. паспорт показателя: Коэффициент напряженности на рынке труда // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59028> (дата обращения: 09.09.2024).

*Примечание: Безработные в соответствии с определениями МОТ – лица в возрасте 15 лет и старше, которые в рассматриваемый период удовлетворяли одновременно следующему критерию: - не имели работы (доходного занятия); - занимались поиском работы в течение последних четырех недель, используя при этом любые способы; - были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели. Данные получены по материалам выборочных обследований рабочей силы. См. паспорт показателя: Общая численность безработных в соответствии с методологией МОТ // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33414> (дата обращения: 09.09.2024).

¹¹ Рассчитано авторами по данным Росстата: Среднегодовая численность трудовых ресурсов // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36730> (дата обращения: 09.09.2024).

¹² Численность лиц, прибывших в муниципальное образование и зарегистрированных в нем по месту жительства (или выбывших из муниципального образования и снявшихся с регистрационного учета) в территориальных органах ФМС России в течение отчетного года. Публикуются Росстатом. См. паспорта показателей: Число прибывших // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 09.09.2024); Число выбывших // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 09.09.2024). Источник: данные федерального статистического наблюдения по формам №№ 1-ПРИБ, 1-ПРИБ_ИнГр, 1-ВЫБ, 1-ВЫБ_ИнГр; показатель «Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по обстоятельствам, вызвавшим необходимость смены места жительства и территориям прибытия и выбытия».

¹³ Показатели рассчитаны авторами на основе данных Росстата о распределении мигрантов по потокам перемещения и причинам смены места жительства и сведений о численности рабочей силы (лиц в возрасте 15 лет и старше, которые в обследуемый период считаются занятыми или безработными), см.: Численность рабочей силы // ЕМИСС : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/34061> (дата обращения: 09.09.2024).

Данные были собраны по 85 субъектам Российской Федерации¹⁴ за 2022 год. Таким образом, мы работали с пространственной выборкой, к которой применялись стандартные статистические методы: иерархическая кластеризация и корреляционный анализ. Расчеты были выполнены с помощью программы IBM IPSS Statistics.

Результаты исследования

Чтобы проанализировать, как распределяются регионы РФ по подобранным нами индикаторам, на первом этапе исследования применялась иерархическая кластеризация методом межгрупповой связи с использованием квадрата евклидовой меры. Т. к. уровни значений переменных сильно отличаются друг от друга, они были стандартизированы с помощью z-преобразования.

В отношении **конъюнктуры рынка труда** большинство регионов России оказались достаточно гомогенны. В процессе агломерации на основании анализа коэффициентов, дендрограммы и диаграммы рассеяния как оптимальное было определено решение с четырьмя кластерами (табл. 1):

1. «Средние». Первый кластер достаточно размыт. В него вошли более половины наблюдений – 56 регионов. Их показатели различны, но не имеют столь большого отклонения от среднего по стране, как у регионов, образовавших отдельные группы. Так, средняя потребность в работниках по данному кластеру близка к среднероссийскому значению: вакантны 4,6% от общего числа рабочих мест против 5,1% в среднем по стране. То же касается и доли иностранцев в трудоспособном населении: 2,1% против 2,6%. При этом сравнительно низкой в регионах данной группы является напряженность на рынке труда: на одну вакансию приходится менее двух безработных, в то время как в среднем по России – почти 6 человек.

2. «Трудодефицитные». Второй кластер составили 17 регионов: центральноевропейские Ивановская и Тверская области, северо-западные Мурманская, Новгородская и Псковская области, южные Республика Крым с городом Севастополем, Краснодарский край и Ростовская область, северокавказская Карачаево-Черкесская Республика, уральская Курганская область, сибирская Республика Алтай и дальневосточные Республика Бурятия, Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Чукотский автономный округ. Все они в числе лидеров по потребности в работниках (в среднем по кластеру 7,4% против 5,1% в среднем по стране). В то же время доля иностранцев в их трудоспособном населении невысока (в среднем по кластеру 2,3% против 2,6% в среднем по стране). Эти регионы наиболее трудодефицитны, и спрос на рабочую силу слабо удовлетворяется за счет международной миграции. Однако полностью задействовать собственные трудовые ресурсы им также не удается: на одну вакансию приходится в среднем более двух безработных, что может свидетельствовать о наличии структурных дисбалансов.

3. «Трудоизбыточные». В третий кластер вошли пять регионов: четыре северокавказские республики – Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия и Чечня, а также восточносибирская Тыва. Эта группа – лидеры по коэффициенту напряженности на

¹⁴ Статистические данные по Российской Федерации на момент проведения исследования публикуются Росстатом без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

рынке труда: в среднем по кластеру на одну вакансию приходится почти 21 безработный против 6 в среднем по стране (максимальное значение показателя в Ингушетии – 186,5). То есть количество трудовых ресурсов здесь избыточно для потребностей местной экономики. Потребность в работниках – самая низкая среди всех субъектов РФ: в среднем по группе она составляет 1,5% от общего числа рабочих мест против 5,1% в среднем по стране. Это группа, напротив, с самой низкой конъюнктурой рынка труда.

4. «Мигрантозависимые». Четвертый кластер объединил семь субъектов: столичные Москву с Московской областью и Санкт-Петербург с Ленинградской областью, а также дальневосточные Амурскую, Магаданскую и Сахалинскую области. Все регионы этой группы являются лидерами по доли иностранных граждан в трудоспособном населении (среднее по кластеру – 8,6%, от 9,8% в Сахалинской области до 7,7% в Амурской области). Потребность в работниках здесь достаточно высока (6,2%), а конкуренция за вакантные места низкая (1,3 безработных на одну вакансию). Данная группа отличается высокой конъюнктурой рынка труда и удовлетворяет значительную часть спроса на труд за счет иностранных работников.

Итак, мы видим, что для определения схожести и различия в ситуации на рынке труда российских регионов в каждом кластере доминирует одна из трех переменных, имеющая в нем наибольшие или наименьшие значения. Особенно удалены от других наблюдений трудоизбыточные республики Северного Кавказа, а также столичные и дальневосточные регионы, где сосредоточены иностранные трудовые мигранты.

Таблица 1

**Сравнение средних для кластеров регионов
по конъюнктуре рынка труда**

Table 1

**Comparison of averages for clusters of regions
by labor market conditions**

Кластер	Удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест (%)	Коэффициент напряженности на рынке труда	Доля иностранных граждан в трудоспособном населении (%)
1	4,6	1,9	2,1
2	7,4	2,3	2,3
3	1,5	71,2	0,7
4	6,2	1,3	8,6
Всего	5,1	6,0	2,6

Источник: составлено авторами по результатам расчетов в SPSS

При группировке регионов по показателям *интенсивности трудовой миграции* оптимальным оказалось решение с пятью кластерами (табл. 2):

1. «Малоподвижные». В первый кластер вошло подавляющее большинство регионов – 73 субъекта РФ. Группа довольно разнородна по значениям переменных, но расстояние между ними недостаточно велико для разделения на отдельные группы. В среднем по кластеру наблюдается сравнительно низкая численность мигрантов, прибывающих с целью работы, относительно местной рабочей силы (1,7 иностранцев и 2,5 россиян на 1000 человек против 2,8 и 4,4 в среднем по стране).

Интенсивность выбытия по рассматриваемой причине тоже несколько ниже среднероссийских значений: 3,3 против 3,8 человек на 1 000 местной рабочей силы.

2. «*Реципиенты внутрироссийских мигрантов*». Вторая группа состоит из четырех северных регионов: Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, Мурманская и Магаданская области. Их выделяет из числа других наблюдений, в первую очередь, значительное количество россиян, прибывающих с целью работы, относительно местной рабочей силы (от 16 на 1 000 человек в ЯНАО до 13 в Магаданской области при среднем значении по стране 4,4). Вместе с тем численность прибывающих с аналогичной целью иностранцев не столь велика и в среднем по кластеру составляет 6,2 на 1 000 человек местной рабочей силы против 2,8 в среднем по стране). Иными словами, эти регионы удовлетворяют свой спрос на труд в значительной мере за счет внутрироссийских мигрантов.

3 «*Реципиенты международных мигрантов*». В данную группу вошли четыре дальневосточных региона: Республика Саха (Якутия), Камчатский и Хабаровский края, Сахалинская область. Эти регионы – в числе лидеров по относительной численности иностранных трудовых мигрантов. В среднем сюда приезжают 17,1 иностранцев на 1 000 человек местной рабочей силы. Более того, наблюдается и приток населения с целью работы из других субъектов РФ, но гораздо менее интенсивный: 9,2 мигранта на 1 000 человек местной рабочей силы. То есть трудовые ресурсы регионов группы в значительной мере пополняются за счет международной миграции.

4. «*Доноры*». Этот кластер образуют три региона: сибирские республики Алтай и Тыва, а также Калмыкия. В них особенно велико число выбывших по причине работы: в среднем 10,6 на 1 000 человек местной рабочей силы против 3,8 по России. Между тем показатели прибытия с целью трудоустройства сравнительно скромные: в среднем по кластеру 7,1 россиян и 1,3 иностранцев на 1 000 человек местной рабочей силы. Данные регионы можно охарактеризовать как доноров трудовых ресурсов.

5. Одно *аномальное наблюдение* не вошло ни в один из кластеров. Это Чукотский автономный округ. Из-за своего малочисленного населения он лидирует с большим отрывом по относительной численности российских трудовых мигрантов (71 на 1 000 человек местной рабочей силы) и находится на втором месте в стране по относительной численности иностранных трудовых мигрантов (19 на 1000 человек), уступая только Якутии. Миграционный отток по причине работы тоже весьма интенсивный: 10,7 выбывших на 1 000 человек местной рабочей силы (еще одно второе место по стране – после Республики Алтай).

Таким образом, различия в ситуации с трудовой миграцией по регионам РФ определяются ее входящими потоками. Относительная численность выбывших имеет меньшее значение и меньший разброс переменной (максимум – 12 выбывших в Республике Алтай, минимум – один выбывший на 1 000 человек рабочей силы в Москве). Лидерами по интенсивности миграционного притока с целью работы выступают территории Крайнего Севера, которые являются трудодефицитными, но при этом отличаются высокой оплатой труда.

Таблица 2

**Сравнение средних для кластеров регионов
по интенсивности трудовой миграции**

Table 2

**Comparison of averages for clusters of regions
by intensity of labor migration**

Кластер	Международные мигранты, прибывшие по причине работы, на 1000 человек рабочей силы	Внутрироссийские мигранты, прибывшие по причине работы, на 1000 человек рабочей силы	Выбывшие по причине работы, на 1000 человек рабочей силы
1	1,7	2,5	3,3
2	6,2	14,5	5,5
3	17,1	9,2	5,4
4	1,3	7,1	10,6
5	19,1	70,7	10,7
Всего	2,8	4,4	3,8

Источник: составлено авторами по результатам расчетов в SPSS

Теперь оценим, существует ли *взаимосвязь между конъюнктурой на рынке труда и интенсивностью миграции*. Для этого нами был проведен корреляционный анализ всех рассматриваемых переменных по 85 субъектам РФ. Результаты представлены в виде матрицы корреляций (табл. 3).

Таблица 3

**Корреляции между рассматриваемыми показателями состояния рынка труда
и трудовой миграции¹⁵**

Table 3

**Correlations between the considered indicators of the labor market
and labor migration**

Показатели	Метод вычисления	Потребность в работниках	Напряженность на рынке труда	Доля иностранных работников	Прибывшие иностранцы	Прибывшие россияне	Выбывшие
Потребность в работниках	Корреляция Пирсона	1	-0,458**	0,280**	0,189	0,246*	0,159
	Ро Спирмена	1	-0,214**	0,314**	0,185	0,287**	0,102
Напряженность на рынке труда	Корреляция Пирсона	-0,458**	1	-0,148	-0,114	-0,075	-0,133
	Ро Спирмена	-0,214*	1	-0,528**	-0,333**	-0,244*	-0,065
Доля иностранных работников	Корреляция Пирсона	0,280**	-0,148	1	0,396**	0,255*	-0,072
	Ро Спирмена	0,314**	-0,528**	1	0,488**	0,353**	-0,053

¹⁵ Сокращения наименований показателей в таблице: потребность в работниках – удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест в общем числе рабочих мест (%); напряженность на рынке труда – коэффициент напряженности на рынке труда; доля иностранных работников – доля иностранных граждан в трудоспособном населении (%); прибывшие иностранцы – количество международных мигрантов, прибывших в регион по причине работы, на 1 000 человек рабочей силы; прибывшие россияне – количество внутрироссийских мигрантов, прибывших в регион по причине работы, на 1 000 человек рабочей силы; выбывшие – количество мигрантов, покинувших регион по причине работы, на 1 000 человек рабочей силы.

Обозначения: * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01.

Показатели	Метод вычисления	Потребность в работниках	Напряженность на рынке труда	Доля иностранных работников	Прибывшие иностранцы	Прибывшие россияне	Выбывшие
Прибывшие иностранцы	Корреляция Пирсона	0,189	-0,114	0,396**	1	0,604**	0,354**
	Ро Спирмена	0,185	-0,333**	0,488**	1	0,526**	0,262*
Прибывшие россияне	Корреляция Пирсона	0,246*	-0,075	0,255*	0,604**	1	0,547**
	Ро Спирмена	0,287**	-0,244*	0,353**	0,526**	1	0,661**
Выбывшие	Корреляция Пирсона	0,159	-0,133	-0,072	0,354**	0,547**	1
	Ро Спирмена	0,102	-0,065	-0,053	0,262*	0,661**	1

Источник: составлено авторами по результатам расчетов в SPSS

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что существует статистически значимая прямая зависимость между удельным весом потребности в работниках и долей иностранных граждан в трудоспособном населении, а кроме того, относительным количеством внутрироссийских мигрантов, прибывших в регион по причине работы. Это можно интерпретировать, заключив, что как международные, так и внутрироссийские мигранты с целью трудоустройства направляются преимущественно в те регионы, где в наличии большее число вакансий. Для иностранцев данная взаимосвязь яснее прослеживается с контингентом, чем с потоком мигрантов. Причиной этого может быть низкая эффективность миграции («приживаемость») иностранных работников, которые приезжают заведомо лишь на временные заработки.

Линейная корреляция (Пирсона) между напряженностью на рынке труда и индикаторами миграции отсутствует, однако обнаруживается ранговая корреляция (Спирмена). Она показывает обратную зависимость рассматриваемой переменной с долей иностранных граждан в трудоспособном населении, а также относительным количеством как международных, так и внутрироссийских мигрантов, прибывших в регион по причине работы. Такой результат легко объясним: чем больше конкуренция за вакансии, тем менее привлекателен рынок труда для мигрантов. Впрочем, отсутствие линейной корреляции говорит о том, что регионы пока недостаточно полно используют внутренние ресурсы для удовлетворения спроса на труд, и в отдельных случаях мигранты привлекаются, несмотря на значительное число безработных среди местного населения. Примером может служить Республика Дагестан, которая находится на втором месте в России по величине коэффициента напряженности на рынке труда – 99,7. Удельный вес потребности в работниках тоже один из самых низких по стране – 0,9%. Между тем соотношение иностранцев умеренное: они составляют 1,6% от местного трудоспособного населения против среднероссийских 2,6%.

Наконец, доля иностранных граждан в трудоспособном населении обнаружила прямую зависимость с относительным количеством не только международных трудовых мигрантов, но и российских, что свидетельствует об одинаковом воздействии факторов притяжения/выталкивания на обе категории.

Небезынтересно, что численность выбывших по причине работы не показала статистически значимой взаимосвязи ни с какими показателями конъюнктуры рынка труда, а только прямую зависимость с числом прибывших. То есть на рассматриваемых нами материалах факторы выталкивания определить не удалось. Можно лишь констатировать, что обратный поток трудовой миграции пропорционален потоку входящему.

Заключение

Итак, полученные нами результаты свидетельствуют, что различия в ситуации на рынках труда регионов России определяются, главным образом, соотношением количества вакансий и безработных. Хуже всего положение дел в республиках Северного Кавказа. Вторым важным параметром является численность контингента иностранных работников относительно местного населения. По их доле выделяются столичные регионы и Дальний Восток.

Различия в миграционной ситуации зависят от относительной численности прибывших. В определенной степени миграция сглаживает дисбалансы спроса и предложения труда в регионах России, пополняя ресурсы трудодефицитных регионов. Однако действие такого механизма несовершенно. Поскольку на мигрантов оказывают влияние и иные факторы притяжения, помимо конъюнктуры рынка труда, взаимосвязь между ее показателями и количеством прибывающих с целью работы статистически слабая. Особенно мала корреляция в случае внутрироссийских мигрантов.

В свете вышесказанного мы предполагаем, что в интересах формирования трудовых ресурсов, соответствующих потребностям каждого региона, необходимо развивать и совершенствовать механизмы управления миграционными потоками при помощи прямых и косвенных мер стимулирования, адресованных как иностранным работникам, так и внутренним мигрантам.

В качестве характерной черты важно отметить сосредоточение внешних и внутренних трудовых мигрантов в одних и тех же регионах. Вследствие этого может возникать конкуренция между мигрантами различных категорий, о чем предупреждали другие российские исследователи [14]. Однако данные потоки можно использовать и комплиментарно – в зависимости от образования, профессиональных навыков, сферы занятости и рода занятий мигрантов. Проведенные ранее нами исследования показали, что характеристики иностранных работников не полностью соответствуют потребностям рынка труда российских регионов [19], поэтому целесообразным представляется компенсировать расхождения за счет привлечения внутренних мигрантов на вакансии, требующие более высокой квалификации.

Говоря о трудоизбыточных кавказских республиках, следует помнить, что абсолютная численность их населения невелика. Так, на 2022 г. все население Северокавказского федерального округа составляло лишь 7% от общей численности населения Российской Федерации. Даже если все безработные этого округа отправятся на поиски работы в другие регионы России, это не сможет закрыть потребности страны.

В интересах более полного удовлетворения спроса региональных рынков на труд за счет уже имеющихся в России и привлекаемых извне ресурсов

необходимым, на наш взгляд, является выстраивание прозрачной системы коммуникации между нанимателями и соискателями. Если для иностранных работников Минтруд уже начал разработку системы организованного набора¹⁶, то для внутренних мигрантов структуры целевого найма на федеральном уровне отсутствуют. Подобный механизм мог бы способствовать подбору кадров из разных регионов под нужды крупных работодателей, организации программ повышения квалификации и/или профессиональной переподготовки соискателей, осуществлению самого переезда путем обеспечения гарантии трудоустройства на заранее определенное рабочее место и поиска жилья еще до выбытия из текущего места проживания.

Нельзя забывать и о том, что в условиях дефицита кадров важным механизмом для достижения равновесия на рынке труда является замещение труда капиталом, т. е. внедрение инноваций во всех сферах экономической деятельности, форсирование технологического развития и процесса цифровизации, повышение квалификации персонала, ведущие к росту производительности труда. Благодаря этому потребности российской экономики в рабочей силе, в т. ч. иностранной могут быть значительно сокращены уже в ближайшее десятилетие, как следует из некоторых прогнозов [20].

Список литературы

1. Рыбаковский, Л. Л. Миграционная компонента и ее вклад в демографическое развитие современной России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Т. 19, № 3. С. 327–337. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337). EDN [EIOOWG](https://www.edn.ru/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337).
2. Топилин, А. В. Роль миграции в формировании региональных рынков труда в условиях второй волны депопуляции в современной России / А. В. Топилин, А. С. Максимова // *Вопросы статистики*. 2020. Т. 27, № 6. С. 26–36. DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36). EDN [QXVXF](https://www.edn.ru/10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36).
3. Вартанова, М. Л. Социальные и экономические проблемы формирования внутренних трудовых ресурсов в контексте депопуляции // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2021. № 38(6). С. 93–99. DOI [10.24412/2309-4788-2021-6-93-99](https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-6-93-99). EDN [XKXXRG](https://www.edn.ru/10.24412/2309-4788-2021-6-93-99).
4. Воробьева, О. Д. Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов / О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, А. С. Аликова // *Вестник Российской академии наук*. 2020. Т. 90, № 12. С. 1156–1163. DOI [10.31857/S0869587320120269](https://doi.org/10.31857/S0869587320120269). EDN [ZAVYHI](https://www.edn.ru/10.31857/S0869587320120269).
5. Мкртчян, Н. В. Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду / Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2019. № 3(43). С. 78–94. DOI [10.31737/2221-2264-2019-43-3-4](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4). EDN [QTMVAZ](https://www.edn.ru/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4).
6. Красинец, Е. С. Международная трудовая миграция в развитии современной России // *Народонаселение*. 2022. Т. 25, № 2. С. 104–115. DOI [10.19181/population.2022.25.2.9](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.9). EDN [GOFHPM](https://www.edn.ru/10.19181/population.2022.25.2.9).
7. Мищук, С. Н. Динамика внутренней и международной трудовой миграции на Дальнем Востоке России // *Наука. Культура. Общество*. 2020. № 1. С. 68–74. DOI [10.38085/2308829X-2020-1-68-74](https://doi.org/10.38085/2308829X-2020-1-68-74). EDN [HJUCDL](https://www.edn.ru/10.38085/2308829X-2020-1-68-74).
8. Мкртчян, Н. В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г // *Демографическое обозрение*. 2020. Т. 7, № 1. С. 83–99. EDN [ZLDEXI](https://www.edn.ru/10.31857/S0869587320120269).
9. Вакуленко, Е. С. Эконометрический анализ факторов внутренней миграции в России // *Региональные исследования*. 2015. № 4(50). С. 83–95. EDN [VKADOL](https://www.edn.ru/10.31857/S0869587320120269).
10. Кованова, Е. С. Эконометрическое моделирование влияния внутренней трудовой миграции населения регионов Российской Федерации на основе панельных данных / Е. С. Кованова,

¹⁶ Минтруд создаст структуру для целевого набора иностранных работников // *Ведомости* : [сайт]. 21.03.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/03/21/1026963-mintrud-sozdast-publichno-pravovuyu-kompaniyu-dlya-tselevogo-nabora-inostrannih-rabotnikov> (дата обращения: 09.09.2024).

Н. А. Эльдяева // Актуальные проблемы менеджмента и экономики в России и за рубежом : Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, Новосибирск, 10 февраля 2015 года. Выпуск II. Новосибирск : Инновационный центр развития образования и науки, 2015. С. 133–136. EDN [TNQZJH](#).

11. Кованова, Е. С. Кластерный анализ в решении задачи типологии регионов России по уровню и интенсивности внутренней трудовой миграции // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 166–175. EDN [RSSVSR](#).

12. Рязанцев, С. В. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. Т. 6, № 2(22). С. 16–28. DOI [10.12737/18147](#). EDN [WEIPEE](#).

13. Карцева, М. А. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния / М. А. Карцева, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4(181). С. 87–97. EDN [XEDDME](#).

14. Мкртчян, Н. В. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты / Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1(37). С. 186–193. DOI [10.31737/2221-2264-2018-37-1-9](#). EDN [XRWLZR](#).

15. Воробьева, О. Д. Основные проблемы современной миграционной политики России / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, В. И. Савинков // Народонаселение. 2016. № 4(74). С. 4–13. EDN [XRZXJR](#).

16. Рязанцев, С. В. Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26, № 4. С. 718–729. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729](#). EDN [ZAQDFR](#).

17. Lee, E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, No. 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](#).

18. Рязанцев, С. В. Международная трудовая миграция в Россию / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Международные процессы. 2019. Т. 17, № 4(59). С. 65–83. DOI [10.17994/IT.2019.17.4.59.5](#). EDN [UUVXRR](#).

19. Маньшин, Р. В. Влияние международной трудовой миграции на сбалансированность региональных рынков труда / Р. В. Маньшин, Е. М. Моисеева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 209–230. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.13](#). EDN [VSKTQI](#).

20. Гребенюк, А. А. Потребность российской экономики в иностранных трудовых ресурсах в условиях внедрения новых технологий // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 2. С. 507–521. DOI [10.17059/2020-2-13](#). EDN [VIAOBU](#).

Сведения об авторах

Моисеева Евгения Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](#); РИНЦ SPIN-код: [6995-4829](#); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](#); Scopus Author ID: [57214717819](#).

Маньшин Роман Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: manshin@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-2331-9834](#); РИНЦ SPIN-код: [3856-3580](#); Web of Science Researcher ID: [P-1146-2017](#); Scopus Author ID: [57192174665](#).

Статья поступила в редакцию 04.10.2024; принята в печать 01.12.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

LABOR MARKET CONDITIONS AND LABOR MIGRATION IN RUSSIAN REGIONS

Evgeniya M. Moiseeva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Roman V. Manshin

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: manshin@list.ru

For citation: Moiseeva, Evgeniya M. Labor Market Conditions and Labor Migration in Russian Regions / E. M. Moiseeva, R. V. Manshin. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 202–215. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.12).

Abstract. In recent years, the Russian labor market has been in an extremely tense state, close to “overheating,” which poses risks for the economic development of the country. The most dynamically changing components of the market are the demand for labor and its supply. In the context of population decline, migration remains a flexible and effective mechanism for replenishing the labor force. Differences in the demographic and socio-economic situation in the Russian Federation and neighboring countries, primarily Central Asian ones, create preconditions for cross-border population movements, while the differentiation of various indicators of Russian regions becomes a factor in intra-country migration. In this study, the authors set the task of assessing the extent to which the situation in regional labor markets can influence the intensity of both international and interregional migration flows in Russia, ensuring their self-regulation and balancing. For this purpose, we constructed a clustering of the subjects of the Russian Federation based on the main indicators of labor supply and demand, as well as the intensity of labor migration flows in various directions. Then a correlation analysis of the selected indicators was carried out. The results show that, in general, labor migration smooths out imbalances in regional markets, but the effect of self-regulation mechanisms is far from perfect. For example, there is no linear relationship between tension in the labor market and the intensity of arrival of labor migrants. Based on the findings, the authors conclude by making recommendations regarding the need to create and improve federal mechanisms to ensure contact between employers and job seekers from different regions and to stimulate labor mobility of their populations.

Keywords: labor migration, interregional migration, international migration, labor market, labor demand, labor supply, employment

References

1. Rybakovskii, L.L. The Migration Component and Its Contribution to the Demographic Development of Modern Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19, No. 3. Pp. 327–337. DOI [10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337](https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337). (In Russ.).
2. Topilin, A. V. The Role of Migration in the Formation of Regional Labour Markets amidst the Second Wave of Depopulation in Modern Russia / A. V. Topilin, A. S. Maksimova. *Voprosy Statistiki*. 2020. Vol. 27, No. 6. Pp. 26–36. DOI [10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36). (In Russ.).
3. Vartanova, M. L. Social and Economic Problems of the Formation of Internal Labor Resources in the Context of Depopulation. *Natural-Humanitarian Studies*. 2021. No. 38(6). Pp. 93–99. DOI [10.24412/2309-4788-2021-6-93-99](https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-6-93-99). (In Russ.).
4. Vorobyova, O. D. Sotsial’no-demograficheskiye posledstviya vnutrenney migratsii trudovykh resursov [Socio-demographic consequences of internal migration of labor resources] / O. D. Vorobyeva, A. V. Topilin, A. S. Alikova. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol. 90, No. 12. Pp. 1156–1163. DOI [10.31857/S0869587320120269](https://doi.org/10.31857/S0869587320120269). (In Russ.).
5. Mkrtchyan, N. V. Residents of Small and Mid-Size Towns of Russia: Labor Migration as an Alternative to Permanent Transfer / N. V. Mkrtchyan, Y. F. Florinskaya. *Journal of the New Economic Association*. 2019. No. 3(43). Pp. 78–94. DOI [10.31737/2221-2264-2019-43-3-4](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4). (In Russ.).
6. Krasinets, E. S. International Labor Migration in the Development of Modern Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25, No 2. Pp. 104–115. DOI [10.19181/population.2022.25.2.9](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.9). (In Russ.).

7. Mishchuk, S. N. Dynamics of Domestic and International Labor Migration in the Russian Far East. *Science. Culture. Society*. 2020. No. 1. Pp. 68–74. DOI [10.38085/2308829X-2020-1-68-74](https://doi.org/10.38085/2308829X-2020-1-68-74). (In Russ.).
8. Mkrtchyan, N. V. Problems in the Statistics of Internal Russian Migration Caused by Changes in Accounting Methods in 2011. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 1. Pp. 83–99. (In Russ.).
9. Vakulenko, E. S. Econometric Analysis of Factors of Internal Migration in Russia. *Regional Research*. 2015. No. 4(50). Pp. 83–95. (In Russ.).
10. Kovanova, E. S. Ekonometricheskoye modelirovaniye vliyaniya vnutrenney trudovoy mi-gratsii naseleniya regionov Rossiyskoy Federatsii na osnove panel'nykh dannykh [Econometric modeling of the impact of internal labor migration of the population of the regions of the Russian Federation based on panel data] / E. S. Kovanova, N. A. Eldyaeva. *Aktual'nyye problemy menedzhmenta i ekonomiki v Rossii i za rubezhom [Actual problems of management and economics in Russia and abroad]* : Proceedings of the international scientific and practical conference, Novosibirsk, February 10, 2015. Issue II. Novosibirsk : Innovatsionnyy tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki Publishing House, 2015. Pp. 133–136. (In Russ.).
11. Kovanova, E. S. Cluster Analysis in Handling the Problem of Typology of Regions of Russia by Level and Intensity of Internal Labor Migration. *Vestnik NSUEM*. 2013. No. 4. Pp. 166–175. (In Russ.).
12. Ryazantsev, S. V. Contribution of Labour Migration to the Economy of Russia: Evaluation Methods and Results. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2016. Vol. 6, No. 2(22). Pp. 16–28. DOI [10.12737/18147](https://doi.org/10.12737/18147). (In Russ.).
13. Kartseva, M. A. Migratsiya v Rossii i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye regionov: analiz vzaimnogo vliyaniya [Migration in Russia and socio-economic development of regions: an analysis of mutual influence] / M. A. Kartseva, N. V. Mkrtchyan, Yu. F. Florinskaya. *Problems of Forecasting*. 2020. No. 4(181). Pp. 87–97. (In Russ.).
14. Mkrtchyan, N. V. Labor Migration in Russia: International and Internal Aspects / N. V. Mkrtchyan, Yu. F. Florinskaya. *Journal of the New Economic Association*. 2018. No. 1(37). Pp. 186–193. DOI [10.31737/2221-2264-2018-37-1-9](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9). (In Russ.).
15. Vorobyeva, O. D. The Main Problems of the Current Migration Policy of Russia / O. D. Vorobyeva, L. L. Rybakovsky, V. I. Savinkov. *Narodonaselenie [Population]*. 2016. No. 4(74). Pp. 4–13. (In Russ.).
16. Ryazantsev, S. V. Labour Immigration to Russia: Myths and Contrarguments. *RUDN Journal of Economics*. 2018. Vol. 26, No. 4. Pp. 718–729. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729). (In Russ.).
17. Lee, E. S. A Theory of Migration. *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](https://doi.org/10.2307/2060063).
18. Ryazantsev, S. V. International Labour Migration to Russia / S. V. Ryazantsev, E. E. Pismennaya. *International Trends*. 2019. Vol. 17, No. 4(59). Pp. 65–83. DOI [10.17994/IT.2019.17.4.59.5](https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.5). (In Russ.).
19. Manshin, R. V. The Impact of International Labor Migration on the Balance in Regional Labor Markets / R. V. Manshin, E. M. Moiseeva. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 209–230. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13). (In Russ.).
20. Grebenyuk, A. A. Demand of the Russian Economy for Foreign Labour in the Context of New Technologies Implementation. *Economy of Regions*. 2020. Vol. 16, No. 2. Pp. 507–521. DOI [10.17059/2020-2-13](https://doi.org/10.17059/2020-2-13). EDN [BIAOBU](https://www.edn.ru/BIAOBU).

Bio notes

Evgeniya M. Moiseeva, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); RSCI SPIN code: [6995-4829](https://www.rsci.ru/6995-4829); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Roman V. Manshin, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: manshin@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-2331-9834](https://orcid.org/0000-0003-2331-9834); RSCI SPIN code: [3856-3580](https://www.rsci.ru/3856-3580); Web of Science Researcher ID: [P-1146-2017](https://orcid.org/P-1146-2017); Scopus Author ID: [57192174665](https://orcid.org/57192174665).

Received on 04.10.2024; accepted for publication on 01.12.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.